

Сицилийская Кереста

Литература

Дамы и господа!

Уже вышел третий выпуск. Сегодня его особенностью будет отсутствие всяческих статей, а просто море художественной литературы. Теперь выпуски будут чередоваться: один будет полный, второй – чисто художественный.

Мы, как всегда, ищем волонтеров-журналистов. Пишите статьи, ведь это хороший шанс опубликоваться, попробовать себя в деле, да и похвастаться перед друзьями. Ко всему прочему, с появлением хороших критиков на ваши статьи будут обзоры.

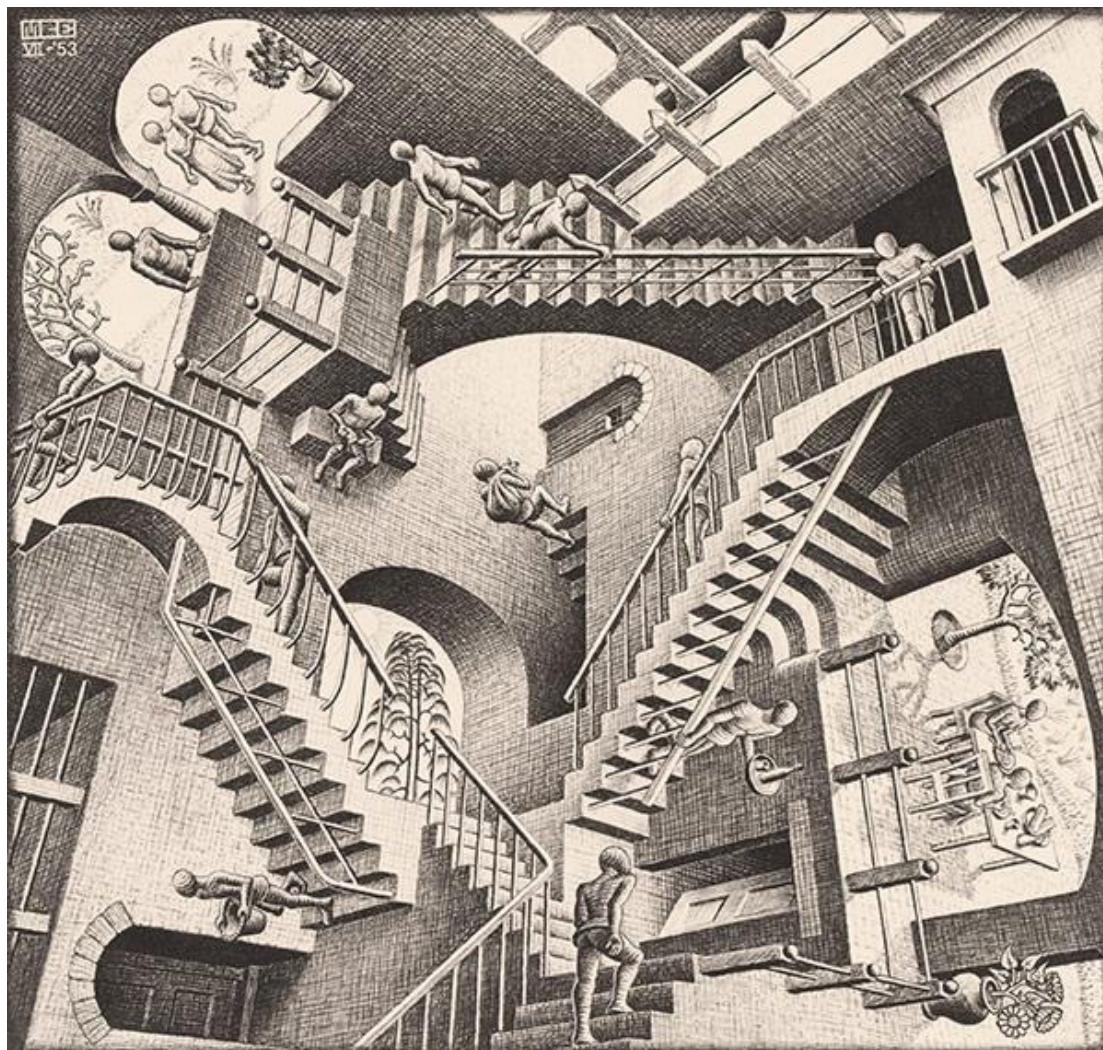
Кстати, призыв такой! **Нужны критики**. Без них тяжело, да и никакого прогресса не будет, пока кто-нибудь не даст нормальной оценки.

Напоминаю, газета выходит раз в две недели по понедельникам. Чтобы получить номер, вам нужно найти редактора и «по-братски» попросить выдать экземпляр. Всё бесплатно, всё для Лита. Хотите опубликоваться – пишите письма. sicber@mail.ru

№3. 16.11.2015 г.

Визуальная

Вашему вниманию предлагается работа одного из всемирно известных художников - М.К. Эшера (1898-1972) - «Relativity». Его творчеством наслаждаются миллионы людей со всего мира. Его работы широко представлены в интернете.

Дети Юрфея

УЧИТЕЛЬ

Муж и жена возвращались с похорон. Оба были раздражены. Во-первых, была потеряна половина воскресного дня – их единственного совместного выходного. Во-вторых, не выспались: вчера легли поздно, а вставать пришлось в семь. И, наконец, муж злился из-за того, что жена согласилась пойти на похороны своей родственницы, да ещё и уговорила его. Жена, в свою очередь, обижалась, на эту всегдашнюю раздражительность мужа по пустякам. И ждала, когда он заведётся и опять испортит выходной.

Это настроение бурлило и нарастало в них. Когда они подходили к дому, муж наконец вспыхнул.

– Ну и что, – отвечала жена, – у тебя же всё равно завтра смена не с утра.

– Какая разница, день-то потерял! Сейчас пока придём, то, другое, уже и спать пора.

– Это была моя тётя, я не могла отказать!

– Вот и шла бы сама, зачем же меня-то тащить?!

– Мне было бы просто тяжело одной... Я тебя попросила...

– Ты не просила, ты уговаривала и настаивала!

– Но и силком не вела...

– Тебе попробуй перечить...

– Да пошёл ты... с тобой невозможно разговаривать... Опять начинаешь настроение портить... Тебе это доставляет удовольствие?

Воцарилось молчание: рядом проходили соседи, которым они приветливо улыбались.

– Видишь, работа такая, устаю, – стал уже вполголоса оправдываться муж.

– А я, что, по-твоему, нет, что ли: несколько классов добавили, факультативы, да ещё десятиклассников нужно готовить к экзамену.

Дома они продолжали злиться друг на друга, не разговаривали. Вечером муж выпил бутылку пива, лёг на диван к телевизору и быстро уснул. Жена же долго не могла уснуть. Помимо всего прочего, похороны породили в ней мрачное настроение. Какая-то тоска, но и одновременно лёгкая радость: не меня же хоронили.

Утро. Спящий муж. Невыносимый вид его припухшего лица, жирноватого тела, волосатой груди и запаха, потного, резкого, с которого начинался каждый день на протяжении двенадцати лет. Сначала – будильник, потом – запах. Злоба на мужа ещё бродила в ней. Она поспешно поднялась, собралась и, не позавтракав, вышла на работу раньше обыкновенного. По дороге она, воровски оглядываясь, стала нащупывать в потайном кармане сумки несколько сигарет и зажигалку. Они были спрятаны в пакет – некурящий муж был очень чувствителен к табачному запаху. Закурив, она закашлялась. На глазах выступили слёзы. На автобусной остановке она швырнула начатую сигарету в урну. Всю четверть часа, проведенную в транспорте, она сидела, понуриив голову, и нервно крутила на пальце своё тонкое обручальное кольцо.

Улица микрорайона была пуста. Земля покрыта инеем. В плаще уже было холодно. Но она будто бы и ничего не чувствовала. Она шла через улицу, где стояли серо-кирпичные дома. Усатый мужчина в сапогах, с плетёным коробом за плечами шёл впереди её. Между домами он свернул в сторону леса.

И вот показались бело-розовые стены новой школы, построенной год назад. До этого дети занимались в старом довоенном здании, которое находилось уже в аварийном состоянии. Но и после переезда всё было не так благополучно. Потолок на верхнем этаже протекал. В её классе было холодно, с потолка капало. К зиме многие кабинеты закрыли, а ей предоставили другой на этаже ниже.

– Здравствуйте, Светлана Сергеевна! – воодушевился сторож, тощий старик. – Рано вы сегодня, ещё Машка даже не пришла.

Техничка Мария, пожилая женщина, бывший учитель математики, приходила на работу к восьми.

– Здравствуйте, – выдавив улыбку, сухо ответила она.

Светлана Сергеевна быстро поднялась в учительскую, начала снимать плащ. Окна выходили в лес и через ели проглядывались

сопки. На минуту она замерла, глядя в окно. Потом подошла к шкафу, чтобы достать классный журнал. Вдруг страшная картинка мелькнула перед ней: затемнённая комната, в центре которой на табуретках стоит гроб. В углу у окна сидит ребёнок, мальчик лет пяти, пытаясь в остатках дневного света, падающего от окна, читать книгу. Светлана Сергеевна испугалась видения, но поняла, что это был сегодняшний сон, который, безусловно, навеян вчерашними похоронами и ссорой с мужем. Она подумала о нём, что он ещё спит и также пахнет. Что он, наверное, никогда не изменится, останется таким же вспльчивым, дурным, неаккуратным и, главное – невнимательным к ней. «Да, много лет он был таким, и вряд ли что-то изменится...» – сказала она себе, выбирая журнал. И тут она как бы опомнилась: «Я – учитель, а значит, должна быть сдержанной. Да, всё оставить дома!» Она планировала вчера подготовиться к сегодняшнему уроку, но из-за ужасного настроения всё вылетело из головы.

«Да кому нужен мой предмет. Даже я-то пошла учиться из-за больной матери, потому как институт находился рядом с домом... Боже, а потом повстречала его на этой дурацкой дискотеке. Со школы не ходила, а тут зачем-то потащилась. А потом он меня увёз сюда. И теперь, когда умерла тётя, ничего меня уже не связывает с этим городом».

Теребя обложку классного журнала, она ходила взад-вперёд по учительской. Доносились голоса детей из начальной школы, которая располагалась на другой половине этажа.

Было пятнадцать минут девятого. Зашёл педагог по физкультуре, затем – по биологии...

– Похолодало, – сказал физрук. – Скоро совсем в зал перейдём.

Светлана Сергеевна молча вышла. Открыв свой кабинет, она включила свет. Написала на доске число с месяцем и тему урока.

«Да, это всего лишь работа, – успокаивала она себя, глядя на часы. – Почти двадцать минут, ещё есть время».

И она вышла из кабинета и направилась к лестнице. Поднявшись в библиотеку, вспомнила, что она открывается в девять. Но всё равно подошла к запертой двери, подёрнула ручку. И несколько минут смотрела через стекло дверей в темноту.

Прозвенел первый звонок. Она спешно вернулась. Приостановилась у двери и прислушалась: кабинет уже наполнился учениками. Вошла. Все встали. Проверив присутствующих, перешла к теме урока. Она говорила, но не слышала себя. На задней парте кто-то болтал. Одна девочка точила карандаш. Лишь две первые парты внимательно слушали её.

«Кому всё это надо? Прочитают учебник и забудут. Ни одной книги так и не откроют. Господи, как же мне это всё надоело. Как невыносимы эти лица, взгляды – пустые, неискренние, невдумчивые. Никто не слушает меня. Лишь две эти девочки...» Светлана Сергеевна хотела, как уже это было однажды, закатить истерику, прокричаться, выплеснуть на учеников всю свою злость, но не сделала этого. С грохотом задвинув учительский стул, она грозно посмотрела на реакцию класса. Все примолкли и с недоумением оглядывали её. Ничего не объясняя, она выбежала из класса, хлопнув дверью. В коридоре разревелась. Постояв с минуту, она вновь поднялась в библиотеку.

Библиотекарь только пришла и ещё передевалась. Но преданные помощники уже сидели за большим столом и клеили книги.

– Здравствуйте, – вместе поздоровались они, увидев учителя.

– Здравствуйте, ребята, у вас что, урока сейчас нет?

– Нет, учитель по труду заболел...

– Да, – подхватил другой, – говорят, в больницу положили.

– Двух уроков не будет, – добавил третий.

– Понятно, учебники клеите?

– Да, это старые книги из книгохранилища...

– Здравствуйте, Светлана Сергеевна, – улыбаясь, сказала вошедшая библиотекарь.

– Доброе утро, – отозвалась она и немного растерялась – не знала, что сказать о причине своего прихода. – У меня там... никаких долгов нет?

– У вас... я сейчас гляну в формуляр. Нет, учебник недавно брали, и книга одна. Можете ещё держать, ничего страшного, сейчас что-то нужно?

– Сейчас? Четвертый том...

Она назвала ту книгу, по отрывку из которой будет писать изложение класс на следующем уроке. Библиотекарь ушла искать. Помощники разрезали полоски бумаги, макали кисточки в банку с белым клеем, который стоял посередине стола. Клей издавал резкий едкий запах.

«Эти пыльные стеллажи, правила библиотеки на стене... а когда-то и я хотела работать библиотекарем...» – мелькнуло у неё в голове.

Вернулась библиотекарь и отдала книгу учителю.

– У вас всё в порядке? – осведомилась библиотекарь, когда их взгляды встретились.

– Да, да, – ответила учитель и быстро расписалась в формуляре.

Раздался звонок на перемену. Ученики из младших классов с визгом забегали в библиотеку.

Как ни в чём не бывало, Светлана Сергеевна вернулась в уже пустой класс и спокойно села за стол. Стали заходить ученики на следующий урок. В этом классе училась девочка, которая пробовала писать стихи, и учитель часто что-то ей советовала.

И вот она вошла в класс и остановилась у стола учителя.

– Здравствуйте, Светлана Сергеевна!

– Здравствуй, Полина! – подняв голову, отозвалась учитель.

– Я принесла, – вполголоса сказала девочка и осторожно протянула сложенный в несколько раз листок.

– Хорошо, Полина, я прочитаю. Сегодня у нас изложение, не забывай.

– Я помню, – сказала ученица и пошла к своей парте.

Светлана Сергеевна чувствовала, что у девочки есть способности; поэтому старалась помочь ей, подсказать что-то дельное. Сама-то она никогда не сочиняла стихов.

Прозвенел звонок. Дети стали активнее расходиться по классу. Ко второму звонку все наконец выстроились у своих парт.

Выждав положенные мгновения, учитель сказала:

– Садитесь!

Все сели. Взяв в руки приготовленный листок, она стала первый раз зачитывать текст изложения. Этот был эпизод гибели одного из героев романа. Второй раз читала медленнее, стараясь делать паузы между предложениями. Читая, Светлана Сергеевна стала вспоминать повесть этого же автора, которая была написана им уже в зрелом возрасте. Позднее творчество этого писателя не проходят в школах, хотя она подумала, что именно эту повесть должны прочитать в первую очередь дети, и чем раньше, тем лучше. Она же прочла её где-то на втором курсе и была поражена. «Вот там-то и есть вся истина смерти, – думалось ей. – Если бы я прочитала её в детстве, то бы не так воспринимала смерть, своё собственное взросление и тяготы жизни. А сейчас я словно в ловушке».

Она выписала на доске сложные слова. Раздала по просьбе листы бумаги. И, наконец, села за свой стол. Посмотрела в окно. Сопки. Лес. Всё жёлто-зелёное. Никаких строений, лишь ещё не погасший фонарный столб напоминал о том, что это город.

Светлана Сергеевна разглядывала учеников. Сосредоточенные, вдумчивые лица. Большинство из них не читали этого романа целиком. Полина сидела прямо, вчитываясь в свой черновик. «Даже она-то ещё не успела прочитать и половины первого тома. Уже пишет на чистовую. Всегда она спешит куда-то, хочет всё успеть». Учитель развернула листок со стихами, пробежалась по строфам. «Опять библейская тема. Ветхий Завет. Тема грехопадения. Неплохая рифма. Но есть нарочитые диссонансы. Есть настроение. Хотя я ведь никогда не умела адекватно оценивать стихи... Но каждое новое лучше выходит. Молодец».

Солнечные зайчики на стенах, на портретах писателей, на шкафах с тетрадями и учебниками. Учитель поднялась с места и стала ходить между партами, ненавязчиво заглядывая в работы учеников. Вдруг ей привиделись вчерашние похороны. Кладбище. Гроб. Лицо покойницы. Застывшее, сморщенное, бледное. Окаймлённое платком. Прощались. Клали в гроб деньги. Потом гроб

опустили в яму и засыпали землей. Было солнечно, последний тёплый день осени. Обратно шли с мужем между могил. Какое-то гнетущее состояние. Предчувствие ссоры. Рюкзаки, сумки, пакеты вдоль парт. Тишина и чуть слышный шорох от пишущих по бумаге ручек. Думала о муже, о своей работе, о смерти тёти. «Как я её редко навещала. Кажется, в последний раз летом. Да, в конце августа, после отпуска. А ведь она звонила. Приглашала. А я всё на работу сваливала. И за неделю звонила, жаловалась на плохое самочувствие. Думала, приду как-нибудь в выходные, а тут её сын звонит, время похорон объявляет. А я слушала, сочувствовала, а самой так не хотелось идти туда. И вот... А мы планировали вчера погулять, зайти на рынок, посмотреть что-то из одежды ему. Вот он и разозлился. Давно ничего не покупали. И куртка его вся износилась. О чём это я? Успеем ещё купить. А тётю-то нет, она больше никогда не позвонит... Ну почему он так ведёт себя? Не может сдержаться. Никакого внимания. Тёплого слова от него не дождёшься. Надоело».

Один из учеников покосился на неё, словно читал мысли. Глаза Светланы Сергеевны повлажнили, она быстро прошла к доске и села за стол. Листок со стихами Полины всё также лежал перед ней. Она закрыла глаза: «Спускаюсь по спиральной лестнице. Всё ниже и ниже. Опять отрывок из сна. Боже, к чему это приведёт? Неужели этому не будет конца?» Учитель, открыв глаза, увидела перед собой внезапно появившуюся Полину. Улыбаясь, она держала в руках тетрадь с готовым изложением.

– Что, всё?

Девочка закивала.

– И даже перечитывать не будешь? Ладно, иди, отпускаю тебя, – сказала Светлана Сергеевна и, принимая тетрадь, улыбнулась в ответ. – Можешь сходить в библиотеку почитать там.

– Хорошо, – Полина таинственно посмотрела на свой листок, который учитель забыла убрать.

Настроение Светланы Сергеевны заметно поднялось. Что-то отпустило, она почувствовала себя легче. «Муж. А всё-таки я его люблю. Его одного. Зачем-то же я вышла за него?» – подумала она, глядя с улыбкой на выходящую из класса Полину.

То же настроение было у учителя, когда звонок нарушил, казалась, нескончаемую тишину класса.

– Допишите до точки и сдавайте. На следующем уроке продолжим.

Сложив тетради стопкой на журнал и зачем-то прикрыв сверху листком Полины, вышла из класса. Перед учительской её встретил напряжённый взгляд директора.

– Светлана Сергеевна, здравствуйте, у вас всё хорошо?

– Здравствуйте, да...

– А что тогда произошло на первом уроке?

– Извините, Анна Александровна, с мужем поссорились, да и вчера...

– Ну, ладно-ладно, ваш муж, кстати, звонил вам утром, свяжитесь с ним срочно, поговорите. Вы знаете, что у нас педагог по труду ночью умер. Паралич.

– Нет, – равнодушно, словно не расслышав, бросила учитель.

Дверью учительской то и дело хлопали. Туда-сюда шумно пробегали дети. Недвижная массивная фигура директора стояла перед ней, всё тот же напряжённый взгляд смотрел из-за толстых стекол очков.

– Извините, я пойду, а то скоро звонок, – сказала Светлана Сергеевна и стремглав проскользнула в учительскую. Там столпились педагоги. Она хотела было пройти к телефону, но заметив физрука, который стоял на её пути, также стремительно выбежала обратно в коридор, и направилась к лестнице.

Она спустилась на первый этаж и подошла к столу дежурного. Оставив на столе журнал и тетради, схватила трубку и начала набирать номер. Стоял гул учеников, выбегающих из столовой. Постоянно хлопала входная дверь.

– Алё... алё!

Теребя листок со стихами восьмиклассницы, учитель пыталась вслушаться, но гудки продолжались. Техничка, поглядывая на часы, висящие напротив, нажала на звонок. Резкий звук ударил в уши. В трубке ничего не было слышно...

Тут в дверях показался муж. Он застыл, не решаясь подойти. Его лицо было испуганно. Встретившись взглядом с женой, он даже не улыбнулся ей. А она, до сих пор держа трубку в руке, не могла прийти в себя. Наконец, выбросив измятый листок в урну, она направилась навстречу мужу.

СЕРГЕЙ ЦЕВМЕНКО

ГОЛОСНЫЕ ЛЮДИ

А Жемчужный век Ж

Зависть Вознесенскому

Ты возносишь другого поэта,
Ну и правильно, я навоз,
Возлежала с ним в позе валета
До восхода, средь моря роз.
Возликует строка Андреева,
Про Монро, про аэропорт,
Его муза, любя, возлелеяла
Сделав рупором звонкий рот.
Он озвучил волнения века,
Излучил буйство красок земли,
Показал синеву первоснега.
Не такие мои корабли,
Не логично вязанье словесное
Не стройна речевая ось,
Вознесенское, поднебесное,
У меня почти не сбилось.
Невозможность, невыносимости
И не очень-то бисерный лоб.
Умозрительные интимности
Для других невозможных высот.

АНТОН КОБЕЦ

А день - лишь день.
Что в нём особо?
Ну, станем ближе мы до гроба:
Чтоб вечно прыгать на углях,
Или парить на небесах...
Жистянка - тлен. Скажи мне лучше,
Чем этой жизнью ты научен,
Какой стяжаешь ориентир,
Идешь к нему; устал в пути?
И коль устал, то Он поможет
В молитве духом воспрянуть,
Убрать пристрастия, что гложат,
Чтоб с ориентира не свернуть.
Но, а вообще, сии слова
Холодом знаний, с малой верой
Моя вещает голова,
Выучив слово "совершенный"...
Где в сердце - мука, ум - свобода:
В противоречии таится
Перед Христом, как Квазимодо,
На крышу храма сесть, забытья,
Не видя, что же там, внизу,
В глубинных залах с пенопением,
Что раздаёт по сердцу зуд,
Но множит ум высокомерьем,
Мол, в храме том не так поют,
Но, сердце слушая, молиться.

...
В первую очередь Себе
Желаю я, чтоб жизнью Духа
Я жил, и показал тебе:
Даже душа, что в прошлом - шлюха,
Та сможет в Духе измениться,
Если, хотя б раз в день молясь
Ему - Он в ней отмоем грязь:
Та скинет тяжесть, воспрямитя,
Чтоб радоваться в чистом теле,
Чтоб в мыслях - ясный, лёгкий пар.
(Мы умираем между делом)
Коль то б всерьёз воспринимал -
То и не бился бы о стены,
Но стены б светом разверзал.

АРТУР БАРТНИКАС

Я устала от боли
Все закончилось наше.
Нет сил уже боле,
Нет надежд уже даже.

Я хотела покоя,
А покой был недолгим.
Что же это такое?
То моя ли дорога?

Я мечтала о счастье,
А теперь я бессильна.
Я не та же отчасти...

СОНИЯ ЛАНГЕ

Мне нужно пройти этот путь
И я смогу это вернуть.
В потоке нетонущих дней.
В угаре ушедших теней.
Всё вновь повторится опять.
И нечего будет искать.
И смысл другой обретёт
Другое, что бурю метёт...

ЧУДОВ АП

ГОМЕРОВСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ
Мечта о том чтоб повторить Гомера.

- Во первых, прозой,
во-вторых, на русском. -

Не оставляет, кружит на носке.

Словарь толковый, вряд ли будет к месту,
Постройка языка не легковесна
Но думаю: как не было бы узко
Таким словам на нашем козырьке.

Ведь книга - вещь не новой планировки,
Где из лакун составлено окно,
Скучающие курят заголовки.
И держат имя,

Имя здесь одно:
Наследство не богатых и не ловких.

Позволь, Гомер, пристать к тебе,
доска
Из рифм теперь чертовски ненадежна.

Внизу пучина, посмотрю разок.
Художник тонет, чересчур он сложен:

В чем-либо глубина нацелена в висок.
Но плавать на поверхности - тоска!

ИЛЬЯ ДЕЙКУН

я - мрачный дух, и я бы покинул тело.
считая до двух, ты меня разглядела.
из этой туманной тьмы тихо ползут
зарницы.

я вышел из тела и обещал тебе сниться.
в моем астрале ветра расплывают души
и, как и везде, никто никому не нужен.
почувствуй пропасть, что под самым
сердцем бьется,
и выходи из тела - в нее, будто прыжком в
оконце.

твой дух не силен. не мрачен. не светел.
просто
всю жизнь ты была во всем небольшого
роста.

теперь - выходи в бездну себя из тела.
до той поры я снюсь, как ты и хотела.

АСХЕЛЬ

Я вижу лёд на твоих щеках
И чувствую твоё дыханье.
Застывает моё сердце снова
В глупом и немом ожидании.
Я хочу твою руку взять,
Чтоб согреть её своей тёплой тканью,
Чтоб забилося твоё сердце опять,
И прекратить моё страданье.
В немом звуке моя фраза застыла,
Чтоб передать самое сильное чувство.
Моя каждая клетка тебя любила
Да так, что к другим не пыталась тянуться.
И вот я горю в своем пламе эмоций,
И жар мой железо плавит насквозь.
Душа ужасно нарывает расколоться,
Будто в стекло вдолбили гвоздь.
А я вижу лишь в который раз
Твои холодные глаза,
Ничего не смогу сказать,
Потому что все как всегда.
Тебе разбили давно сердце,
И с этих пор в тебе нет любви.
Лишь морозное дыханье,
В котором слышен крик тоски.
Ты мне прошептала: "Нам не быть вместе,
прости.

Я не такая как ты. Мне когда-то разбили все
мои мечты. Так что прошу: уйди. Чтобы
холодом не пропах и ты.. Ради всего
святого, обернись и уходи.. Но прошу,
оставь цветы».

И этим я был разбит,
Размазан по окрестным стенам,
От всего этого мозг несчастный кипит
А люди вокруг стали гиены.
О многострадальный мир, который был нам
всем отцом,
Зачем ты создан был творцом?
Почему он про людей забыл,
Но главное, и про девушку, которую я так
любил?

А ты не услышишь этих слов,, моя любовь,
Больше ты ничего не слышишь,
Когда растеклась в изгибах кровь,
А тело твоё уже не дышит.
Но я поклянусь для тебя на осколках
судьбы,
Что создам новый мир без таких, как они,
Без предательства и той огромной лжи,
Мой мир - во имя тебя для любви.

АНДРЕЙ САБАТ

Поручикам (1)

О прекрасное скопище пьяниц!
Расцелую на жгучем морозе
Ваших щек цветущий румянец
С щетиною, похожей на розы.

Загляну в ваши добрые лица
И в глазах прочитаю веселье,
И захочется мне прослезиться,
Словно каждый из вас Есенин.

Словно каждый избит, измотан,
Но на раны не сыплет солью.
Вместо соли мы выпьем водки,
Вместо слез посмеемся над болью.

Посмеемся, и хлопнет вьюга
По мозгам и по братским плечам.
Нам протянет снежную руку
И умчит за собою в вечность,

Где по улицам Babilona
Будем жечь непокорные речи
В жертву силе небесного лона,
Что устроила нашу встречу.

Поручикам (2)

На улице градусов 10. Осень.
В бутылке же 48. Я пью.
Сквозь зелень стекла золотая проседь
Венчает мой взор, про нее и пою.

Купание в листьях, гусары в запое.
Коней распустили, швырнув палаши.
За тысячи лет наболтавшись с собою,
Душе нужно слово от братской души!

Во прахе деревьев весь смысл финала,
Всю жизнь заключил в себе бешеный миг.
Вина слишком мало, почти не осталось...
Мы сгинем, как этот стеклянный родник.

А там за рекой наши пьяные души,
Их выпила осень, как мы пьем вино.
Сойдем же с ума, господа, и осушим
В честь праздника смерти еще одно дно!
РУСЛАН ВЕТРОВ

Анечке Задорожной

Желаю, чтоб тебе, мой дивный друг,
Во сне явились тысячи сокровищ,
И белых облаков звенящий круг,
И ведьм хохочущих толпа метловищ.

Желаю, чтоб касалась нежных губ
Улыбка легкая во сне бездонном,
И кто-то рядом, из твоих подруг,
Признал: "Сияешь в пламени червонном..."

Желаю, чтобы целый белый свет
Застыл, благоговен, твоим покоем;
Чтоб, глядя на тебя, весь жизни бред
Рассыпался с часов старинных боем.

Желаю я тебе, мой добрый друг,
Во сне смеяться искренно и тихо,
Глядеть на облаков звенящий круг
И в небе до утра носиться лихо...

ТАЯ ГУДЫМ

Да простит меня понимающий...
Мой муж спит со своей женой, пока меня
нет.

Мой муж открывает газ, зажигает свет.
Мой муж выходит из дома в надежде, что
все взлетит.

У моего мужа есть все.

Ему это все претит.

Мой муж совершенно свободен - завязан на
сто узлов.

Мой муж ненавидит стол, презирает кров.

Он хочет всего лишиться и держится за
своё.

Но газ вытесняет воздух.

А провод искру дает.

Мой муж покидает комнату.

Навечно.

За разом раз.

Но каждый раз возвращается. И открывает
газ.

И газ наполняет комнату, пытаюсь найти
искру.

Если его не выпустить вовремя, все умрут.

Мой муж ждет меня ровно в полночь. Сидит
у входной двери.

Стук.

Поворот ключа.

Я уже внутри.

И руки наши встречаются. Встречается газ с
искрой.

Мы все в этой комнате, Господи.

Дверь открой!

НАТ. РЕКИЧИНСКАЯ

Пробуждение

Всюду, всегда и везде – человеческий
фактор.

Тот, кто в ответе за Землю, за Ад и за выси,

Сонный, слегка удивлённый, стоит перед
фактом -

Значит, и Он от него теперь тоже зависим.

Сладко проспав перемену небесных
порядков

И перепутав спросонья творца и творенье,

Он обречённо вздыхает, и вместо зарядки
Чай наливает...

С запретно-плодовым вареньем

Булку жуя и любуясь на свежие росы,

С лёгкой тоской Он всерьёз размышляет о
вечном

И задаётся, как Гамлет, тревожным

вопросом:

«Может, Я, правда, фантазии плод
человечей?..»

СЕРГЕЙ ПЕТРОВСКИЙ

Перепонками стен отражается слово,
мне так страшно молчать,
И туманами туго рассвет забинтован
По совету Врача.

Оглушают мотивы охрипшего гимна,
меж собой сплетено.

Забинтован рассвет. Милый врач, помоги
мне!

Я болею давно...

Повороты

Ты говорил, что «отвернись»

идёт от слова «повороты»,

и то, что притянуло вниз,

нас разорвёт на эпизоды.

Ты ошибался: «отвернись»

произошло от слова «верность».

Судьбы разрушенной эскиз
лишь превратит тебя в безмерность

всех разлетевшихся ветров.

Не зная ни хвалы, ни веры,

ты, став рабом слепых миров,

теряя воздух, время, сферы,

забыв пульсацию шагов

привычных улиц, отрешённо

покинешь свой покой и кров

и сам с собой разъединённо

бродить ты будешь одиноко,

не видя верного пути,

и томный свет закрытых окон

тебя, увы, не приютит.

Но, вопреки всему чужому,

ты вдруг узнаешь голос мой,

и, став вселенски неземной,

я возвращу тебя к родному.

Мы возродим с тобой тот день,

когда в любую бы минуту

могли покинуть мы свой плен,

но не решились почему-то ...

АЛЕКСАНДРА БАРБАШОВА

ПРЯТНЫЕ РЕДКОСТИ

Сегодня вашему вниманию предлагаются стихи Г. В. Иванова. Биография взята с Википедии.

Георгий Владимирович Иванов (29 октября (10 ноября) 1894, имение Пуки Сядской волости Тельшевского уезда Ковенской губернии, ныне Тельшайский уезд, Литва — 26 августа 1958, Йер-ле-Пальме, департамент Вар, Франция) — русский поэт, прозаик, публицист, переводчик; один из крупнейших поэтов русской эмиграции.

Петербургский период жизни. В 1907 году по просьбе отца переводится во 2-й кадетский корпус в Петербурге. Успехи в учёбе снизились. Отчасти это было связано с состоянием здоровья, во время учёбы неоднократно болел.

В 1909 году познакомился с Г. И. Чулковым и С. М. Городецким — начал рассылать по газетам и журналам свои стихи. Первые стихи опубликованы в корпусных журналах «Кадет-михайловец» и «Ученик». Первая серьезная публикация в 1910 году, в петербургском еженедельнике «Все новости литературы, искусства, театра, техники и промышленности» были напечатаны 2 стихотворения «Осенний брат» («Он — иннок. Он — Божий») и «Икар». Предположительно в этот же период познакомился с А. А. Блоком. Находился под влиянием И. Северянина, Н. Гумилёва, М. Кузмина — последнему был рекомендован С. Городецким для принятия в Академию стиха. С 1911 года участвует в северянинской Академии эгопоэзии.

С 17 марта 1911 года заведует художественным отделом еженедельника «Gaudeamus». 25 октября «уволен из корпуса на попечение родителей» (из 5-го класса) «согласно прошения его матери». В декабре выход первого сборника «Отплытие на о. Цитеру» (на титульном листе — 1912)

В 1912 году приобретает первую, небольшую известность в петербургских литературных кругах. (Публикации в изданиях: «Нижегородец», «Петербургский глашатай», «Новый журнал для всех», «Гиперборей», «Сатирикон»). На встрече по поводу 25-летия поэтической деятельности К. Д. Бальмонта знакомится в «Бродячей собаке» с Н. Гумилевым. На этой же встрече присутствуют А. Ахматова, Вас. Гиппиус, О. Мандельштам. Весной 1912 года был принят в «Цех поэзии». В ноябре — выходит из кружка эгофутуристов. Декабрь — знакомство с Н. А. Клюевым.

В 1913 году печатается в газетах «Русская молва», «День», журналах «Аполлон», «Сатирикон», «Нива», «Современник» и является вольнослушателем Петербургского университета. В середине апреля участвует в манифестации вместе с О. Мандельштамом на площади Петербурга по случаю взятия турецкой крепости Сутари черногорцами. 13 октября знакомится в Тенишевском училище с Г. Адамовичем на лекции К. Чуковского о футуризме.

С 1914 года постоянный сотрудник журнала «Аполлон», занял в нём место Н. Гумилёва, ушедшего добровольцем на Первую мировую войну. Публикует в «Аполлоне» обзорные статьи о военной поэзии. Участвует в альманахах «Отзвуки войны», «Пряник осиротевшим детям», «Зеленый цветок». В 1915 году в издательстве «Лукоморье» выходит книга стихов о войне Г. Иванова «Памятник славы». С 1916 года — участник 2-го «Цеха поэтов».[3]

Первым браком (1915—1918) женат на француженке Габриэль Тернизын, танцовщице театра Мейерхольда, подруге сестры Адамовича, — дочь Елена. Во втором браке с русской поэтессой Ириной Одоевцевой (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике, латыш.), с которой прожил 37 лет.

В эмиграции. 26 сентября 1922 года на правительственном пароходе «Карбо» Иванов выехал в Германию. С конца октября 1922 по август 1923 проживал в Берлине. Его жена, поэтесса И. Одоевцева покинула Советскую Россию позже — в декабре 1922 г.[4] она переехала из Петрограда в Ригу. 12 октября 1923 года Г. Иванов и И. Одоевцева встретились в Берлине. После переезда в Париж Иванов стал одним из самых известных представителей первой эмиграции и сотрудничал со многими журналами как поэт и критик, писал прозу, в числе которой был неоконченный роман «Третий Рим» и «поэма в прозе» «Распад атома» в 1938 году.

В эмиграции Георгий Иванов делил с В. Ходасевичем звание «первого поэта», хотя многие его произведения, особенно мемуарные и прозаические, вызвали неблагоприятные отзывы как в эмигрантской среде, так и в Советской России.

В 1930-х гг. вместе с Г. Адамовичем был основным сотрудником журнала «Числа». В годы второй мировой войны вместе с женой Ириной Одоевцевой жил на своей вилле во французском городе Биаррице, который с лета 1940 г. был оккупирован немецкими войсками. В 1943 году супруги лишились виллы, реквизированной немцами, но оставались в Биаррице до 1946 года. Общественная позиция, взгляды на события Второй мировой войны, которых придерживался Иванов, вызвали обвинения его в германофилии, антисемитизме, коллаборационизме и привели его к конфликту с Г. Адамовичем.

С 1946 года Иванов и Одоевцева жили в Париже, испытывая отчаянную нужду. С начала февраля 1953 года до своей смерти жил в приюте для престарелых в Йере (Йер-ле-Пальме, в департаменте Вар, недалеко от Тулона). Георгий Иванов умер 26 или 27 августа 1958 года и был похоронен в Йере на местном кладбище. Только через пять лет удалось собрать деньги на перезахоронение под Парижем, там, где покоится цвет русской эмиграции. «Чудовищно, но и против этой акции были протесты», — пишет Ю. А. Арьев в предисловии к сборнику стихотворений Георгия Иванова, который вышел в серии «Новая библиотека поэта» в 2005 году. Вот что он, в частности, сообщает:

«Дмитрий Кленовский, царскосёл и христианин, прекрасный поэт, эмигрантский дебют которого приветствовал Георгий Иванов, пишет архиепископу Сан-Францисскому Иоанну (Дмитрию Шаховскому): „Перенесение праха Георгия Иванова в Париж дело похвальное, но всё-таки странно было прочесть Ваше имя в составе созданного для сего комитета.<...> Знаю, дорогой Владыка, сколь Вы терпимы,<...> но всё-таки... при несомненном таланте Г. Иванова (и дьявол тоже талантлив!) я чувствую к нему глубокое отвращение... Камня в него, понятно, не брошу, но и цветов на могилу не принесу“». 23 ноября 1963 года поэт был перезахоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. На могиле поставлен крест из тёмно-серого гранита.

ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ

1916 -- 1936

*

О, высок, весна, высок твой синий терем,
Твой душистый клевер полевой.
О, далек твой путь за звездами на север,
Снежный ветер, белый веер твой.

Вьется голубок. Надежда улетает.
Катится клубок... О, как земля мала.
О, глубок твой снег, и никогда не тает.
Слишком мало на земле тепла.

*

Это месяц плывет по эфиру,
Это лодка скользит по волнам,
Это жизнь приближается к миру,
Это смерть улыбается нам.
Обрывается лодка с причала
И уносит, уносит ее...
Это детство и счастье сначала,
Это детство и счастье твое.

Да, -- и то, что зовется любовью,
Да, -- и то, что надеждой звалось,
Да, -- и то, что дымящейся кровью
На сияющий снег пролилось.

...Ветки сосен -- они шелестели:

"Милый друг, погоди, погоди..."
Это призрак стоит у постели
И цветы прижимает к груди.

Приближается звездная вечность,
Рассыпается пылью гранит,
Бесконечность, одна бесконечность
В леденеющем мире звенит.
Это музыка миру прощает
То, что жизнь никогда не простит.
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.

*
Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля --
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия -- только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.

*
Только всего -- простодушный напев,
Только всего -- умирающий звук,
Только свеча, нагорев, догорев...
Только. И падает скрипка из рук.

Падает песня в предвечную тьму,
Падает мертвая скрипка за ней...
И, неподвластна уже никому,
В тысячу раз тяжелей и нежней,
Слаще и горестней в тысячу раз,
Тысячью звезд, что на небе горит,
Тысячью слез из растерянных глаз --

Чудное эхо ее повторит.

*
Музыка мне больше не нужна.
Музыка мне больше не слышна.

Пусть себе, как черная стена,
К звездам подымается она,

Пусть себе, как черная волна,
Глухо рассыпается она.

Ничего не может изменить
И не может ничему помочь

То, что только плачет, и звенит,
И туманит, и уходит в ночь...

*
Звезды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.

Все мы герои и все мы изменники,
Всем, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

*
Ни светлым именем богов,
Ни темным именем природы!
...Еще у этих берегов
Шумят деревья, плещут воды...

Мир оплывает, как свеча,
И пламя пальцы обжигает.
Бессмертной музыкой звуча,
Он ширится и погибает.
И тьма -- уже не тьма, а свет,
И да -- уже не да, а нет.

...И не восстанут из гробов,
И не вернут былой свободы --
Ни светлым именем богов,
Ни темным именем природы!

Она прекрасна, эта мгла.
Она похожа на сиянье.
Добра и зла, добра и зла
В ней неразрывное слиянье.
Добра и зла, добра и зла
Смысл, раскаленный добела.

*
Только звезды. Только синий воздух,
Синий, вечный, ледяной.
Синий, грозный, сине-звездный
Над тобой и надо мной.

Тише, тише. За полярным кругом
Спят, не разнимая рук,
С верным другом, с неразлучным другом,
С мертвым другом, мертвый друг.

Им спокойно вместе, им блаженно рядом..
Тише, тише. Не дыши.
Это только звезды над пустынным садом,
Только синий свет твоей души.

*
Сиянье. В двенадцать часов по ночам,
Из гроба.
Все -- темные розы по детским плечам.
И нежность, и злоба.

И верность. О, верность верна!
Шампанское взоры туманит...
И музыка. Только она
Одна не обманет.

О, все это шорох ночных голосов,
О, все это было когда-то --
Над синими даями русских лесов
В торжественной грусти заката...
Сиянье. Сиянье. Двенадцать часов.
Расплата.

*
О, душа моя, могло ли быть иначе.
Разве ты ждала, что жизнь тебя простит?
Это только в сказках: Золушка заплачет,
Добрый лес зашелестит...

Все-таки, душа, не будь неблагодарной,
Все-таки не плачь... Над темным миром зла
Высоко сиял венец звезды полярной,
И жестокой, чистой, грозной, лучезарной
Смерть твоя была.

*
Так иль этак. Так иль этак.
Все равно. Все решено
Кольханьем черных веток
Сквозь морозное окно.

Годы долгие решалась,
А задача так проста.
Нежность под ноги бросалась,
Суегились суета.

Все равно. Качнулись ветки
Снежным ветром по судьбе.
Слезы, медленны и едки,
Льются сами по себе.

Но тому, кто тихо плачет
Молча стоя у окна,
Ничего уже не значит,
Что задача решена.
Только темная роза качнется,
Лепестки осыпая на грудь.
Только сонная вечность проснется
Для того, чтобы снова уснуть.

*
Паруса уплывают на север,
Поезда улетают на юг,
Через звезды и пальмы, и клевер,
Через горе и счастье, мой друг.

Все равно -- не протяживай руки,
Все равно -- ничего не спаси.
Только синие волны разлики.
Только синее слово "прости".

И рассеется дым паровоза,
И плеснет, исчезая, весло...
Только вечность, как темная роза,
В мировое осыпется зло.

*
Я тебя не вспоминаю,
Для чего мне вспоминать?
Это только то, что знаю,
Только то, что можно знать.

Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо, не спеша.
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.

Край земли. За синим краем
Вечности пустая гладь.
То, чего мы не узнаем,
То, чего не надо знать.

Если я скажу, что знаю, .
Ты поверишь. Я солгу.
Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу.

Но люблю тебя, как прежде,
Может быть, еще нежней,
Бессердечней, безнадежней
В пустоте, в тумане дней.

*
Это звон бубенцов издали,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег.

...За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

*
Душа человека. Такою
Она не была никогда.
На небо глядела с тоскою,
Взволнованна, зла и горда.

И вот умирает. Так ясно,
Так просто сгорая догта --
Легка, совершенна, прекрасна,
Нетленна, блаженна, светла.

Сиянье. Душа человека,
Как лебедь, поет и грустит.
И крылья раскинув широко,
Над бурями темного века
В беззвездное небо летит.

Над бурями темного рока
В сиянье. Всего не успеть...
Дым тянется... След остается...

И полною грудью поется,
Когда уже не о чем петь.

